

Мосалева Галина Владимировна – профессор кафедры истории и теории литературы Удмуртского государственного университета, доктор филологических наук (10.01.01- русская литература), профессор, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; тел. 8(3412)916154; mosalevagv@yandex.ru

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Переваловой Ольги Андреевны «Стихотворная молитва в русской поэзии XIX века: жанровая динамика и типология», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертационное исследование О.А.Переваловой представляет собой новый шаг в плане осмысления молитвенной лирики в отечественной словесности, ответом на возрастающий в обществе интерес к этому феномену национальной культуры, проявляющийся, на что справедливо указывает диссертантка, как в появлении многочисленных антологий, сборников стихотворных молитв, так и в научном отклике на них, тем более что стихотворная молитва принадлежит «к практически неисследованной области русской культуры и религии», как пишет О.А.Перевалова.

Новизна и актуальность работы состоит в комплексном жанрологическом подходе к изучению стихотворной молитвы, нацеленном

на установление жанровой динамики и типологии этого литературного феномена.

Первая глава «Жанр стихотворной молитвы в историко-теоретическом освещении» удачно сочетает в себе реферативный и собственно исследовательский материал. В этой главе О.А.Перевалова демонстрирует основательное знание актуальных проблем жанровой теории, умение выделить из нее продуктивные позиции, способствующие решению собственных диссертационных целей и задач. Однако как только О.А.Перевалова выходит за границы теории жанра, ее суждения становятся уязвимыми для критики. Может быть, и существует некое «религиозное литературоведение», которое, как пишет О.А.Перевалова возникло на «рубеже XX-XXI вв (с.40). Но к нему явно не относятся те ученые, которых диссертантка относит к нему. Напротив, в рамках все того же академического литературоведения эти ученые предлагают новый подход к описанию поэтики русской словесности в контексте православной традиции, чтобы выделить присущие ей специфические черты. Идеологическое клиширование создает повод для последующих комических аналогий. Если допустить существование «религиозного литературоведения», значит, следуя этой логике, нельзя исключать и существования «атеистического литературоведения» и проч. и проч. Прокомментируем в этой связи еще одно замечание диссертантки на стр. 42: «... взгляд религиозных литературоведов на русскую литературу в целом и поэзию в частности отнюдь не нов». Этот факт неоспорим настолько, что названные О.А.Переваловой ученые, сами на этот факт и указали. Круг имен, корнями уходящий уже в первую половину XIX века, настолько огромен, что уже сам стал отдельным предметом научной рецепции. В частности, В.Е.Хализев эту линию исследований связывает с герменевтической традиций и методологией, оформившейся в русской науке уже к началу XX века. Хотелось бы надеяться, что эти споры «о главном» остались в прошлом. Ирония же состоит в том, что в своей работе О.А.Перевалова истоки стихотворной молитвы видит

непосредственно в церковной молитве, а не в церковной поэзии со всей ее разветвленной системой жанров-молитвословий, что свидетельствует как раз о «религиозном», а не литературоведческом подходе. Слишком прямое соотнесение религиозного и художественного и вызывает подчас критику и неприятие.

У нас же попытка О.А.Переваловой генетически сблизить церковную и стихотворную молитву вызвала иные чувства: любопытство и интерес. Почему бы и не сблизить эти феномены. Тем более что и сама О.А.Перевалова в этом сопоставлении то уходит на большую историко-культурную жанровую дистанцию и отмечает «литургический жанр» (лучше, на наш взгляд, использовать термин литургическая поэзия) как почву для стихотворной молитвы (с. 28). Фундаментальные открытия в области сопоставления русской поэзии с церковной гимнографией сделаны замечательным отечественным ученым-медиевистом А.Ф.Мурьяновым, однако в списке источников мы не обнаружили ссылок на его работы. Тогда же, когда эта дистанция между разными дискурсами сокращается, а это относится, прежде всего, к параграфам 1.2 «Каноническая молитва как источник жанра стихотворной молитвы» (с. 44-55) и 1.3. «Стихотворная молитва в контексте соотношения сакрального и эстетического» (с. 54-68) первой главы, появляются сомнения в правомерности слишком прямого сближения. В этих параграфах О.А.Перевалова пытается определить само понятие «каноническая молитва», ее структуру, типологические черты, что как явление духовного плана не поддается логической формализации. Скорее всего, диссертантка пыталась выявить модели молитвенных ситуаций, используемых в качестве сюжетов или мотивов в лирических текстах. Канонические молитвы - это молитвы, одобренные Церковью, их множество, и они совершенно свободны по композиции. «Схема» же, или «ритуальное кольцо» с «закрепительными» или «охранными» формулами, как это показывает О.А.Перевалова, к примеру, на стр. 47, совершенно не обязательны не только для стихотворцев, но и для молящихся. Церковная

молитва относится к мистическому религиозному, но никак не к магическому опыту духовной жизни человека. Стихотворная молитва становится таковой вовсе не вследствие деканонизации церковной молитвы (это сделать невозможно), а в результате субъективизации, лиризации, эстетизации некоего молитвенного состояния, переданного средствами художественного языка. Нельзя деканонизировать то, у чего нет канона.

В результате «стыкового» сближения неизбежны некорректные сопоставления. Так, на стр. 61 читаем: «Поэзия духовных лиц нередко иллюстрирует пренебрежение эстетическими законами, становится своего рода проповедью в стихах». В качестве примера такой проповеди О.А.Перевалова приводит «Духовные стихотворения» иг. Таисии Леушинской. Но так надо же учитывать план прагматики «лирического дневника» святой игумении и судить его по законам жанра духовной поэзии, у которого свои цели, каноны и законы. Но невольно О.А.Перевалова обозначила серьезную задачу, стоящую перед литературоведами: выработку особых принципов и критериев понимания для жанра духовной поэзии.

Напротив, самое благоприятное впечатление производит последний параграф первой главы «Пародийная молитва: проблема жанрового статуса». Это существенное достижение диссертантки, имеющее серьезное и теоретическое и практическое значение. Здесь мы согласимся с важным выводом О.А.Переваловой о том, что пародийная молитва должна рассматриваться «не внутри жанра, а на его границах» (с. 84).

Ядром диссертационного исследования О.А.Переваловой являются вторая и третья главы, демонстрирующие все этапы решения заявленной исследовательской проблемы. Вторая глава состоит из четырех параграфов, иллюстрирующих предложенную О.А.Переваловой типологию стихотворной молитвы. Отметим, что чрезвычайно ценна и важна уже сама попытка представить типологию этого жанра, что является существенным шагом вперед в понимании функционирования эстетических законов стихотворной молитвы и путей ее последующей жанровой эволюции. Во второй главе

О.А.Перевалова концентрирует свое внимание на таких типах стихотворных молитв, как молитвы-переложения, молитвы-подражания, молитвы-вариации, демонстрирующих способы художественного «отрыва» от церковных молитвословий. Положительным качеством и этой, и последующей главы назовем разнообразие иллюстративного материала, предлагаемого диссертанткой. Сами же типы стихотворных молитв, хотя и имеют право на существование, но на практике они трудно различимы.

В третьей главе «Эволюционные тенденции развития жанра стихотворной молитвы» О.А.Перевалова продолжает знакомить с типологией стихотворной молитвы. Новые аспекты жанровой динамики О.А.Перевалова показывает на примере таких выделенных ею типов, как «моя молитва» и метамолитва. Наиболее подробно и всесторонне О.А.Перевалова останавливается на характеристике жанра «моя молитва», рассматривая его генезис, саму жанровую модель и ее реализацию в творчестве поэтов XIX века. Не соглашаясь с утверждением О.А.Переваловой, что «моя молитва» свидетельствует о несоблюдении канона церковной молитвы, согласимся с мыслью о все большем ее превращении в лирическую медитацию.

С осторожностью отнесемся к такому в целом верному утверждению О.А.Переваловой, что «молитвы-переложения, ориентированные на церковный канон, оказываются на периферии жанра, а «мои молитвы»... выходят на ведущие позиции» (с.153). Стоит ли сравнивать перелагательную поэзию, изначально ориентированную на церковные тексты, с лирической поэзией, пусть и обращенной к поэтизации феноменов духовной жизни? Перелагательная поэзия выполнила свою функцию: став школой перевода сакрального языка на художественный, подсказав поэтам способы и приемы его передачи. Кроме того, поэт-перелагатель неизбежно сталкивался с неразрешимой проблемой: трудностью соперничества с сакральным текстом-прецедентом. Об этом писали и В.Кюхельбекер, и Ф.Глинка и даже Пушкин.

Тем не менее, и оказавшись на периферии, жанр переложений позволяет поэтам время от времени совершать в его рамках настоящие прорывы (классический пример - «Отцы пустынноики и жены непорочны» Пушкина).

Нам импонирует осознание того факта, что О.А.Перевалова обладает научной смелостью, предлагая свой взгляд на, казалось бы, уже устоявшиеся трактовки, тем самым углубляя или уточняя их. Однако в случае с уточнением характеристики лирического героя «Моей молитвы» Д.Веневитинова, предложенного С.И.Ермоленко (с. 155), аргументация С.И.Ермоленко представляется нам единственно верной.

Особо выделим подглавку первого параграфа третьей главы «Мои молитвы» русских поэтов: пути жанровой эволюции (с. 162-173) с серьезными, тонкими комментариями О.А.Переваловой стихотворных молитв Лермонтова, Рылеева, Кольцова. Вообще, в третьей главе принцип «обзорности», свойственный первым двум главам рецензируемого исследования, оказывается во многом преодоленным.

Интересны и размышления О.А.Переваловой относительно жанра метамолитвы в русской поэзии. В этом жанре О.А.Перевалова выделяет различные подвиды метамолитв (молитвы о молитвах, молитвы-наблюдения, передающие впечатления лирического субъекта за миром молящегося человека, его собственные состояния, близкие к молитвенным).

Однако не все поэтические тексты поддаются жесткой типологизации. Может быть, уместно поставить вопрос о синтезе и взаимопротекании жанровых форм. Так, на наш взгляд, пушкинский текст «Отцы пустынноики и жены непорочны» соответствует сразу почти всем типам стихотворных молитв, как их выделяет диссертантка: переложениям, подражаниям (самый неопределенный тип), вариациям. Под вопросом остается «моя молитва», но в результате поэтического переложения молитва преп. Ефрема Сирина усваивается Пушкиным как «своя», пропущенная через свое сердце.

Материал, изложенный О.А.Переваловой в последнем параграфе третьей главы, как она сама отмечает, в жанре монографического очерка (с. 182), посвящен анализу стихотворной молитвы в творчестве региональной поэтессы Елизаветы Гадмер. Бесспорно, материал этот оригинален и интересен, способствует осмыслению региональной поэзии как важной части общего литературного процесса, характерного для русской поэзии.

В Заключении нам не хватило еще одного уровня обобщения материала с позиции результатов исследования и прочерчивания его дальнейших перспектив, тем более, что научный уровень результатов исследования очевиден.

Подводя итог изучению диссертационного исследования О.А.Переваловой, отметим, что оно предстает как новаторское, актуальное, оригинальное. Все высказанные вопросы и замечания свидетельствуют об интересе к работе и ее значимым результатам, никак не оспаривают ее ценность. Положения, вынесенные на защиту, аргументированы, достоверны, что подтверждается репрезентативностью иллюстративного материала, адекватностью методов исследования, его хорошей теоретической базой. Результаты исследования имеют несомненную практическую ценность, они могут найти применение в курсах и спецкурсах по истории русской литературы.

Содержание рецензируемой диссертации в полной мере отражено в 14 публикациях автора, среди которых 3 статьи опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК.

Автореферат полно и объективно отражает все содержание, идеи и выводы диссертации.

Диссертация Ольги Андреевны Переваловой «Стихотворная молитва в русской поэзии XIX века: жанровая динамика и типология» соответствует всем требованиям, указанным в «Положении о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор

заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры истории
и теории литературы
Удмуртского государственного
университета
1.06.2015

Г

Г.В.Мосалева

Подпись Г.В. Мосалева
заверяю.

секретарь УС УдГУ
Военкова Н.Ф.